

ГРАЖДАНИН ПОЛУДНЯ

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ БОРИС СТРУГАЦКИЙ. БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ И БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

коля», очень символично и точно отражает его жизненный и творческий путь.

Он был убежденным коммунарком (не путать с коммунистом), мечтающим о мире, где торжествует разум, справедливость и доброта.

Он был Учителем (это один из самых уважаемых образов в книгах Стругацких), учившим в первую очередь думать и принимать самостоятельные решения, а не навязывающим свои взгляды и ценности.

Он был писателем, прошедшим путь от приключенческой «научной» фантастики о познании иных миров и до писателя-философа, говорящего о непознаваемости человеческой души.

Он шел своей дорогой. Вместе с братом — как писатель братья Стругацкие. Один — как писатель С. Витицкий. Глядя на мир то с оптимизмом, то с сомнени-

Аркадий и Борис (слева) Стругацкие называли себя АБС

Сергей Лукьяненко, писатель

Я познакомился с писателем Стругацким в 1974 году. Мне было всего 6 лет. Писателю Стругацкому — 49 и 41. Осталось еще 17 лет до того дня, когда умрет старший из братьев — Аркадий, и писатель Стругацкий перестанет писать. И еще 21 год Борису Натановичу Стругацкому придется жить половиной великого целого и писать собственные книги под псевдонимом...

Конечно, братья Стругацкие не знали, что где-то далеко в Казахстане у них появился еще один восторженный читатель, 6 лет от роду. Таких читателей были миллионы — «пионеры и пенсионеры», доставшие где-то томик с заветными именами на обложке и навсегда открывшие для себя мир Стругацких. Кто-то из этих читателей влюбился в фантастику навсегда, и сам начал ее писать. Другие просто читали — и жили в их мирах.

Борису Натановичу выпала непростая судьба — пережить брата и соавтора, пережить советскую эпоху, в которой они

были безусловными кумирами и непрекаемыми авторитетами миллионов, пережить крушение своей мечты о «Мире Полудня» — мире коммунистической утопии, мире творчества, свободы, справедливости. Для многих читателей эта трансформация мировоззрения Бориса Стругацкого стала и личной трагедией. Разочарование Бориса Натановича в самой возможности построения идеального «коммунарского» мира, его подчеркнутую либеральную общественную позицию

ем, то с грустью, но не переставая верить в человека.

Среди его учеников (Борис Стругацкий долгие годы вел в Санкт-Петербурге семинар писателей-фантастов) есть авторы совершенно разных, порой противоположных стилей, взглядов, убеждений. Есть те, для кого фантастика — «приключения тела», есть те, для кого она — «приключения духа». И то, что все они были и остались учениками Бориса Стругацкого, — самое главное дока-

Он был убежденным коммунарком (не путать с коммунистом), мечтающим о мире, где торжествует разум, справедливость и доброта

они восприняли как предательство мечты. Новые, сольные книги Бориса Стругацкого, написанные под псевдонимом С. Витицкий, стали событием лишь для фанов и литературоведов.

Но все это, казалось, совершенно не трогало Бориса Натановича, ничуть не влияло ни на его творчество, ни на его жизненную позицию. И то, что он был одним из лауреатов премии имени Высоцкого «Своя

зательство, что он был человек из мира Полудня. Учителем, прогрессором, прошедшим в нашу жизнь, чтобы сделать ее лучше.

И вернувшись в мир Полудня, где наши беды, проблемы, споры остались в прошлом.

Спасибо, что вы подарили нам мечту и научили верить в людей, Борис Натанович. ■■

ПАМЯТЬ ДОСМОТРЕТЬ ДО КОНЦА

ВЕСТЬ О СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ ЗАСТАЛА РЕЖИССЕРА АЛЕКСЕЯ GERMANA В БОЛЬНИЦЕ. ИХ ДРУЖБА ХОРОШО ИЗВЕСТНА, НО ЕЩЕ ИЗВЕСТНЕЕ БОЛЬШАЯ СОВМЕСТНАЯ РАБОТА

Алексей Герман, режиссер

Знаете, что такое друг жизни? Расходились — сходились, но всегда чувствовали друг друга рядом... Он, может быть, и сам не знал, как многое в нашей жизни им

измерялось: «Что скажет Боря?» «Трудно быть богом» я начинал со Стругацкими три раза. Первый раз помешало вторжение в Чехословакию, потом наши планы как-то не совпали с перестройкой... До конца удалось довести только третью попытку. Но когда нам запретили в первый раз, они с братом прислали мне письмо о том, что нужно действовать и нельзя сдаваться. Навсегда запомнил последнюю фразу: «Мы готовы на все, даже на убийство!»

Еще запомнил, как ворвался он к нам после просмотра «Сталкера»: «Что делать, в фильме нет ничего от нас? Но не губить же Тарковского?!» Потом смотрели фильм вместе, убеждали, что все-таки общего с повестью немало. Необычный и замечательный был человек. Как-то утром захожу к нему: какие-то листы бумаги, много-много цифр... Я страшно удивился. «Я, — говорит, — за завтраком решил уравнивать, а тебе не нравится — не решай».

Вот каким я его запомнил: сидит по-турецки, пьет чай, полная пригоршня таблеток (уже болеет). В лобой компании с ним бесполезно было обсуждать вопрос об отъезде: «Нет, я хочу все досмотреть до конца». А ведь их повести когда-то в СССР ходили в списках. Они, конечно, не были ровней Солженицыну, но мое поколение чувствовало: Стругацкие — наши, мы их понимаем. Самое важное: тем, что написали, Стругацкие обеспечили интерес к себе на много лет вперед.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

«БУДУЩЕЕ СУЩЕСТВУЕТ!»

БОРИС СТРУГАЦКИЙ БЫЛ ДРУГОМ «ОГОНЬКА». А МЫСЛИ, КОТОРЫЕ ОН ВЫСКАЗЫВАЛ В БЕСЕДАХ С НАШИМИ ЖУРНАЛИСТАМИ, И СЕГОДНЯ НЕ УТРАТИЛИ АКТУАЛЬНОСТИ И СИЛЫ

«Наиболее отвратительным в мире, открывшемся перед нашими глазами, была ложь. Все можно понять: перегибы, несправедливости, даже казни; то, что у власти стоят люди недостойные и ведут они нас черт знает куда, — все можно понять и исправить можно, но при одном условии: скажите людям правду, хватит врать».

«Человек, который работает на общество плохо, не получает от общества ничего. Этот основополагающий принцип был нарушен в конце 1920-х годов. И производительные силы сразу резко тормознули. Сейчас мы вроде со скрипом выходим на эту дорогу. При этом может произойти что угодно. Военный переворот. Или нам объявят, что во всем виноваты кооператоры — разрушили экономику. А идеологию разрушил журнал «Огонек». И мы скушаем. Снять десяток редакторов, закрыть кооперативы, объявить, что перестройка закончена, — и привет, мы отброшены на десятилетия назад. На несколько лет наступит привычный покой. На одно-два поколения, лет сорок, не больше».

«Оптимист не тот, кто считает, что завтра будет лучше, чем сегодня. Будущее не бывает ни хорошим, ни плохим. Оно никогда не бывает таким, каким мы его ждем. И будущее всегда чуждо. Если бы Пушкин попал в наш мир, он мог бы ему понравиться или не понравиться, но главным свойством этого мира он счел бы его чуждость. Огромное количество точек несоприкосновения. Понятия, которые в его жизни были чем-то ценным и важным, превратились в ничто. И наоборот. Мы говорим: человечество отягощено огромным количеством пороков и язв, зла. Но оно просуществовало 100 тысяч лет и доказало, что оно жизнеспособно. И я не говорю, что будет хорошо. Я говорю: БУДЕТ. БУДУЩЕЕ СУЩЕСТВУЕТ! Вот это и есть оптимизм конца XX века».

«Если политик провозглашает примат интересов государства (державы, империи) над интересами гражданина; если он пользуется каждым случаем, чтобы напасть на СМИ, требуя решительного контроля над прессой и телевидением; если он с ностальгической похвалой отзываясь о «сталинских временах», а провозглашаемый им патриотизм неотделим от махрового национализма, — перед нами несомненный поклонник и, более того, генератор диктатуры, и подпускать его к верховной власти нельзя просто из чувства естественного самосохранения».

«Я предполагаю, что огромное большинство нас, матерясь, плюясь, раздражаясь, угрожая и ненавидя, при всем том понимает, что на пути диктатуры ничего хорошего нас не ждет. Три четверти населения согласны променять демократические свободы на уверенность в завтрашнем дне. Да, это так. Но целая четверть уже вкусила от свобод и сказала: «Это хорошо». Целая четверть! Это для России невероятно много. Что же касается «механизма защиты от диктатуры»... Никакой социальный механизм не гарантирует от диктатуры, если нет врожденного омерзения к ней».

«Огонек», № 52, 1989 год; «Огонек», № 6, 2000 год